

Бурдина Татьяна Николаевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кострома
maryinakostroma@mail.ru

Проблема универсалий в философской системе Владимира Соловьёва

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда основных работ философа Серебряного века В. С. Соловьёва с точки зрения понимания им проблемы универсалий, в результате которого удалось выявить, что для русского мыслителя реальную вдохновляющую силу составляли общие идеи как архетипы мироздания, как зародыши вещей мира материального. Общее не является для него пустой абстракцией; более того, глубочайшее понимание общего в традиционном русле объективного идеализма Шеллинга и Гегеля, вывело Соловьёва на принципы всеединства, цельного знания, синтеза, универсализма не только в понимании духовного бытия, но и в понимании материальной действительности.

Ключевые слова: универсалии (общие идеи), всеединство, цельное знание, универсализм.

Ставя целью исследования обоснование проблемы универсалий в философии выдающегося русского мыслителя В. С. Соловьёва (1853–1900), обратим внимание, что история философии не разрешила всех противоречий вопроса: что более реально – феноменальная или ноуменальная сторона вещей. Проблема универсалий является порождением трансцендентальной рефлексии философской мысли в её обращении к метафизике бытия. Учёные стремятся к раскрытию сущности не только феноменальных, но и умопостигаемых явлений, составляющих ноуменальную сущность Универсума. Такая постановка вопроса подводит к пониманию Единого, некоего духовного Абсолюта. В приближениях к его толкованию создавались философские системы; наследие В. С. Соловьёва можно рассматривать в ряду таких великих систематизаторов-универсалистов, как Конфуций, Аристотель, Фома Аквинский, Спиноза, Лейбниц, Кант, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр.

Проблема универсалий как системообразующий ключ многих учений не устаревает в философском поиске открытия тайны Абсолютного. Кто только не пытался найти Абсолют и объяснить его словами (в русской философии – В. С. Соловьёв, В. В. Иванов, П. А. Флоренский, В. В. Кандинский, А. Ф. Лосев и др.), но, как утверждали древние – Дао, которое можно выразить словами, не есть истинное Дао. Нестрашно во всех приближениях к толкованию Абсолютно-Единого подсознательно присутствует момент скептического; и чем дальше путь, тем дальше уходим мы от простоты и ясности определений; чем больше известно, тем больше вопросов. По истине, умножая свои знания, умножаем свои горести.

Что касается Соловьёва, то в поисках Абсолюта важными вехами на пути его философской эволюции, можно считать Платона – первого философа, уверовавшего в реальность идеального; гностические учения, неоплатонизм, Каббалу, буддизм, христианство, Оригена; из западной философии – Спинозу, Шеллинга и Гегеля, разработавших методологию дедуктивного выведения следствий из принятого первопринципа; из русской философии – славянофилов и Ф. М. Достоевского.

Анализ ряда основных трудов В. С. Соловьёва позволил выявить, что для русского мыслителя реальную вдохновляющую силу составляли общие идеи как основа вещей материального мира. Глубочайшее понимание общего в традиционном русле

объективного идеализма Шеллинга и Гегеля, вывело Соловьёва на принципы всеединства, цельного знания, синтеза, универсализма не только в понимании духовного бытия, но и в понимании материальной действительности. Рассмотрение философии Соловьёва с точки зрения понимания им проблемы универсалий проливает новый свет на основные моменты его всеединства: софийность, соборность, Богочеловечество, теократию, любовь духовную, – воссоздающие «всеединую» картину мира.

Несомненный интерес представляет неоконченная работа В. С. Соловьёва «Философские начала цельного знания» (1877), являющая чётко продуманную гносеологическую позицию. Она ценилась самим философом весьма высоко; многие её положения перешли в публичные лекции «Чтения о Богочеловечестве». Работа обязана своим появлением университетскому спору вокруг магистерской диссертации философа «Кризис западной философии». К. Д. Кавелин, критически проанализировав работу молодого учёного, побудил его более чётко обосновать свою философскую позицию. Собственно, такого рода обоснование уже имелось: ранняя, так называемая *каурская*, рукопись «София», отмеченная библиографами и исследователями (С. М. Соловьёв, А. П. Козырев и другие), и упущенная исследователями из вида небольшая рецензия «Опыт синтетической философии» (1877). В лице епископа Соловьёв находит единомышленника, поскольку его учение представляет синтез философии, где автор «пытается соединить три теоретических элемента, или три степени познавательной сферы, которые обыкновенно являются не только разрозненными, но и враждебными... теологию, философию и положительную науку» [1]. Соловьёв находит, что у автора не показан переход от абсолютного к конечному бытию, не решается вопрос о причинах и смысле отпадения феноменального мира от идеального – который он считает основным вопросом метафизики [2]. Эти моменты раскрываются им в «Философских началах цельного знания».

Свою философию Соловьёв мыслил позитивно; в поиске «новых начал» он ставил целью удерживать всё положительное в уже существующей философии. От двух существующих философских систем, называемых Соловьёвым натуралистическим эмпиризмом и рациональным идеализмом, указывая на их ограниченность, но не отказывая в определенных достоинствах, он ищет свой путь – систему истинной философии как некоего универсального знания или знания истинного. Через универсалии он обосновывает органическую логику как логику теософскую, рассматривая её с точки зрения теософии вообще и логики вообще.

Начинает Соловьёв с теософии, или *мистической философии*. С самых первых разработок его религиозная идея экзистенциальна; эсхатология упирается в *спасение*, а потому и спасение философии – в истине религиозной. Цель истинного знания и истинной философии, по Соловьёву, – это соединение человека с Абсолютом, и это сродни мистицизму. Однако необходимо преодолеть односторонность мистицизма, понимая такое соединение не только как слияние и поглощение, «в котором мир исчезает для человека, и человек исчезает сам для себя...», а, поскольку свобода есть могущество, то и «истинная цель есть победа и власть над миром внешности» [3]. У Соловьёва очевидно превосходство мистического начала над рациональным и эмпирическим; однако полную истину даёт сочетание мистического, эмпирического и рационального познания: «Материал истинной философии как цельного знания даётся всей совокупностью явлений как мистических, так равно психических и физических. Но познания всех этих явлений... ещё не образуют никакой философии – они должны получить *форму* всеобщей, цельной истины, сосредоточиться в универсальных идеях» [4].

Что такое для Соловьёва, стремящегося объяснить универсальные идеи, абстрактно общее – означают сами *универсалии*? Это необходимо выявить, так как именно взгляд через призму универсалий позволяет ему размыть строгие границы различных форм познания. Философ называет три формы познания: умственное созерцание идей (или интуиция) и чувственное восприятие явлений – не существуют в отдельности, «и различие их во всех областях нашего знания только количественное или степенное, смотря по тому, преобладает ли феноменальный опыт или же идеальное созерцание» [5]. Третья форма познания – отвлечённое мышление, не обладающее положительным содержанием – граница, переход между первыми двумя: «...всякое общее понятие есть *отрицание явления и указание идеи*» [6]. Отвлечённое мышление лишено собственного содержания, считает Соловьёв, поэтому отвлечённые понятия часто смешивали с идеями, подтверждением чему является знаменитый в схоластике спор номиналистов и реалистов: они плохо различали два значения слова «*universalia*». Отвлечённое мышление должно служить либо аббревиатурой чувственного восприятия – при этом образующие его общие понятия могут утверждаться как схемы явлений (так номиналисты, утверждающие «универсалии после вещи», под универсалиями понимали общие понятия, их несамостоятельность и вторичность); либо отражением умственного созерцания – при этом образующие его общие понятия могут утверждаться как тени идей, закрепленные словами (так реалисты утверждают универсалии «ранее вещи», понимая под ними настоящие идеи, доказывая их первичность) [7].

Эту мысль Соловьёв дублирует в публичных лекциях «Чтения о Богочеловечестве» [8]. Продолжим её, используя именно эту работу, где проблема представлена более чётко. Опираясь на формальную логику, философ показывает, что объём понятия находится в обратном отношении к его содержанию: чем шире какое-либо понятие, тем больше его объём, тем оно неопределеннее и беднее по содержанию. Например, понятие *человек* является слишком широким обобщением, однако в нём заключаются только те признаки, которые общи всем людям. Тогда как понятие *монах* является более узким, но содержательная сторона, заключающая добавочно к первому понятию множество признаков, составляющих особенность монашеского звания, несомненно богаче. Такое отношение Соловьёв объясняет происхождением общих рассудочных понятий: они получаются чисто отрицательным путём отвлечения, как пассивное следствие рассудочной деятельности, а потому не могут иметь никакой самостоятельности, никакого собственного содержания, а только лишь общие схемы тех конкретных данных, от которых они отвлечены. Совсем иное дело – *идеи*, как совершенно определённые, особые формы метафизических существ, присущие им самим по себе, а никак не произведения нашей отвлекающей мысли: здесь наблюдается прямое отношение объёма к содержанию, то есть чем шире объём идеи, тем богаче она содержанием. Это происходит потому, что идея, как самостоятельная сущность, находится в деятельном взаимоотношении с частными идеями, составляющими её объём и определяющими её положительно [9].

Соловьёв доказывает, что отвлечённое мышление не может иметь никакого собственного положительного содержания, потому что отвлечённые понятия по своему определению не могут идти далее того, от чего они отвлечены, не способны превращать случайные и частные факты в необходимые и всеобщие истины и идеи. Однако отвлечённому мышлению принадлежит особенное, хотя лишь в отрицательном понимании, как переход, граница между чувственным восприятием явлений и умственным созерцанием идей: «Во всяком общем отвлечённом понятии содержит-

ся отрицание всех входящих в объём его явлений в их частной, непосредственной особенности и вместе с тем... единстве и новом содержании, которого, однако, отвлечённое понятие в силу своего чисто отрицательного происхождения не даёт само, а только указывает, – всякое общее понятие... есть отрицание частного явления и указание всеобщей идеи» [10].

Особой ценностью представляется то, что свою философию Соловьёв тут же переводит в плоскость эстетической теории (как в работе «Философские начала цельного знания», так и в «Чтениях о Богочеловечестве»), утверждая, что действительность идей и умственного созерцания несомненно доказывается фактом художественного творчества. Идеальные образы, воплощаемые художником в произведениях, – это и не просто воспроизведение наблюдаемых явлений в их частной и случайной действительности, и не отвлечённые от этой действительности общие понятия, хотя то и другое, безусловно, необходимо для разработки художественных идей. Но просто наблюдательности и размышлений недостаточно, иначе каждый учёный мог бы стать художником. Ссылаясь на Гёте и Гофмана, Соловьёв заявляет, что художественные идеи являются умственному взору разом в своей внутренней целостности, и дальнейшая художественная работа сводится только к их развитию и воплощению в материальных подробностях [11]. Согласно Соловьёву, прямая связь искусства как божественного откровения с метафизическим миром идеальных существ подтверждается красотой и гармонией, как необходимыми и существенными элементами Божества: «Божественное начало, удалённое из чувственной природы, явилось в новом светлом царстве, населённом не бедными тенями материального мира и не случайными созданиями нашего воображения, а действительными существами, которые с чистотою идеи соединяют всю силу бытия и, будучи предметами созерцания (для нас), в то же время суть и субъекты существования (в самих себе)» [12].

В «Философских началах цельного знания» примером идеальной интуиции Соловьёв так же называет факт художественного творчества. Идеальные образы, воплощённые художником в его произведениях – это и не просто воспроизведение наблюдаемых явлений действительности, и не отвлечённые от действительности общие понятия: «художественные идеи и образы не суть сложные продукты наблюдения и рефлексии, а являются умственному взору в своей внутренней целостности и работа художника сводится только к их развитию и воплощению в материальных подробностях...; предметом искусства... может быть только цельная идея, открытая умственному созерцанию, или интуиция» [13].

Соловьёв и далее идёт по пути сближения философии с искусством, справедливо отмечая, что школьная философия в двух своих вариантах (эмпиризм, основанный на внешнем наблюдении и идеализм, основанный на рационализме) «чуждается всякой интуиции и более близка к математике, чем к искусству» [14]; в то время как предлагаемая им философия как цельное знание, имеющая первичной формой истинного познания умственное созерцание или интуицию, по существу близка к искусству. Имея своим предметом весь идеальный космос, философия ограничивается известными центральными идеями, оставляя идеальную периферию искусству, имеющему «своим предметом те или другие идеи в отдельности, независимо от их отношения ко всему остальному: ...философская интуиция значительно уступает в яркости и интенсивности интуиции художественной, превосходя её универсальностью содержания». Но в отличие от искусства «философия ...есть чисто логическое построение» [15].

Свободная теософия как система истинной философии определяется Соловьёвым как такой род познания, предметом которого является истинно-сущее в его объективном проявлении, целью – внутреннее соединение человека с истинно сущим, материалом – данные человеческого опыта (во-первых, опыта мистического, затем психического (внутреннего), и, наконец, физического (внешнего), основной формой своей имеющие умственное созерцание или интуицию идей, деятельным источником (производящей причиной) – вдохновение, то есть действие высших, идеальных существ на человеческий дух: «такой род познания по справедливости может быть назван цельным знанием» [16].

Далее Соловьёв обосновывает философскую логику, исходя из очевидности того, что объективное познание состоит из синтеза двух коренных факторов – эмпирического и априорного элементов. При их противопоставлении, взаимной независимости (критическая логика Канта) – познание невозможно. Зависимость между ними утверждается двоякого рода: в рациональной логике Гегеля эмпирическое содержание познания зависит от априорных форм, в то время как логика эмпиризма сводит познание к обобщению данных опыта. Но ни логика рационализма, ни логика эмпиризма не достаточны сами по себе, и Соловьёв выделяет третье начало, «в котором реальность содержания и разумность формы, элемент эмпирический и элемент чисто логический соединены между собой не случайно, а внутренней органической связью» [17], и это – **сущее** – как положительное начало бытия, как абсолютное первоначало, как первый принцип органической логики в истинном познании, первый принцип всей философии Соловьёва [18]. Сущее для Соловьёва – возможность возникновения бытия (положительная возможность, проявление, действие, субстанция, мощь бытия, сила). Оно свободно, к бытию не привязано, не есть бытие и не может им быть (как не может быть и небытием) – это сверхсущее, первоначало, которое, по Соловьёву, совершенно едино: «Великая мысль, лежащая в корне всякой истины, состоит в признании, что в сущности всё, что есть, есть *единое* и что это единое не есть какое-нибудь существование или бытие, но что оно глубже и выше всякого бытия, так что вообще всё бытие есть только поверхность, под которою скрывается истинно-сущее как абсолютное единство, и что это единство составляет и нашу собственную внутреннюю суть, так что, возвышаясь над всяким бытием и существованием, мы чувствуем непосредственно эту абсолютную субстанцию, потому что станем тогда ею» [19].

Разобравшись с органической логикой, вернёмся с Соловьёвым к общим понятиям: «Общее понятие абсолютного первоначала, как оно утверждается нашим отвлечённым мышлением, имеет характер отрицательный, то есть в нём собственно показывается, *что оно не есть*, а не что оно есть. Положительное же содержание этого начала, его *центральная идея*, даётся только умственному созерцанию или интуиции. Способность к такой интуиции есть действительное свойство человеческого духа, и только в нём заключается основание действительной теософии» [20]. Методом своей органической логики, имеющей «своей *исходной точкой* понятие (λόγος) абсолютного первоначала или сущего», выводящей из самого этого понятия логически «все существенные определения сущего самого по себе» [21], Соловьёв называет диалектику, выходя опять на понятия сущего и бытия. Такую диалектику он объясняет как «мышление, которое из общего принципа в форме понятия выводит его конкретное содержание; так как это содержание, очевидно, должно уже содержаться в общем принципе..., но заключаться только потенциально, то акт диалектического мышления состоит именно в переведении этого потенциального содержания

в актуальность, так что начальное понятие является как некоторое зерно или семя, последовательно развивающееся в идеальный организм» [22]. Соловьёв акцентирует превосходство своей положительной диалектики над признанной гегелевской: Гегель брал за логический субъект диалектического развития понятие бытия, которое «без всякого содержания, без мыслимого и без мыслящего, двойное тождество понятия с бытием и бытия с ничто... само по себе не только ничего не содержит, но и мыслиться само по себе не может, переходя в тот час же в понятие *ничто*» [23]. Но если для Гегеля мышление было всем, Соловьёв в своей философской системе признаёт мышление «одним из видов или образов проявления сущего, диалектика не может покрывать собою всего философского познания, и основанная на ней логика не может быть всей философией». Однако всё же это остов философии, правда такой, который получает тело, «жизнь и движение только в следующих частях философской системы – метафизике и этике» [24]. Таким образом, если мышление – лишь один из видов проявления сущего, и логика не может быть всей философией, то, как очевидно из многих работ Соловьёва, важнейшим компонентом для его религиозной философии становится вера. Включив в философский синтез веру, Соловьёв наполнил свободно-разумное мышление вечным содержанием христианства. Однако такого рода философия не очень-то приветствовалась в современной ему России, тем более не ценилась на Западе. Религиозную философию не жаловали ни обыватели, ни философы, вызревшие на идеях Запада. В силу религиозности русская философия считалась чем-то вторичным в мире «головных» теоретиков; русскую философскую мысль попрекали религиозностью как главной слабостью. И если русская философия, выделяемая ныне как самобытный феномен в палитре мировой философской мысли, по большинству представленных имён всё же была религиозной, то вопрос – является это её слабостью, или силой – остаётся открытым. Интеллигенция всерьёз занялась изучением религии с середины XIX века, и заслуга Соловьёва в том, что он попытался не просто систематизировать религиозное знание, придав ему вид научного, а замесил свою философию всеединства на религиозной опоре. Однако очевидное различие философского и религиозного фундамента не позволяют, и вряд ли когда позволят слить воедино эти два монолита духовного бытия, а новаторов, стремящихся к синтезу, не жалуют. Снисходя к Соловьёву, как к философу религиозному, многие снобы от науки до сих пор отказывают ему в праве называться собственно философом. В свою очередь и богословы не спешили признать «головную» философию в религиозных интерпретациях, и ставили Соловьёву во грех вольность и бесцеремонность таких интерпретаций – тех самых благих намерений, устилающих дорогу в бездну непреходящего отчуждения между наукой и религией. И всё же неоценимой заслугой русского мыслителя для современного российского общества, погрязшего в неразрешимости материальных проблем и забывшего о сущности Русской Идеи, является создание философии именно христианской; причём сам мыслитель свой труд расценивал как дело жизни.

В IV части работы «Философские начала цельного знания» Соловьёв называет исходной точкой своей философии абсолютно-сущее, содержанием которого становятся истина, воля и чувство; оно «необходимо для нас, то есть требуется нашим разумом, нашим чувством и нашей волей» [25]. Непосредственное ощущение абсолютной действительности, убеждён философ, лежит в каждом из нас глубже всякого определённого чувства, представления и воли, и это ощущение, при переводе его «на тесный язык определённого представления, чувства и воли» неизбежно порождает «всевозможные разногласия и споры» [26]. Абсолютное, не подлежащее ника-

кому определению, проявляет себя безусловно единым, которое не исключает множественности и ею не нарушается, поскольку «необходимо сильнее множественности», и «проявляя в себе бесконечную множественность чувств, мыслей и желаний, тем не менее всегда остаётся самим собою» [27]. Абсолютное первоначало, единое и неизменное во всех многообразных произведениях его сущности и любви обладает вечным единством божественной свободы и божественной необходимости, которое и составляет собственный характер абсолютного, и сущность этого единства – в необходимости жить, чувствовать, любить [28]. Соловьёв смотрит на Божество как на потенцию бытия, в платоно-спинозовской традиции он отрицает личного Бога и признаёт Его «сверхличность», что поставило его в оппозицию к воззрениям друга Л. М. Лопатина, явного картезианца.

Однако не следует считать В. С. Соловьёва голым обвинителем западной философии, которую он хорошо знал, и многое в ней принимал. Следует обратить внимание на конец работы «Кризис западной философии». Так, Соловьёв находит много родственного себе в «Философии бессознательного» Э. Гартмана, утверждающей независимое от человеческого сознания духовное первоначало всего существующего. Подобного рода направление – прямая дорога к философии всеединства. Акцентируя в своей магистерской диссертации результаты развития западной философии, Соловьёв отдаёт им должное, отмечая многие положительные моменты. В частности, он отмечает, что западные учения в форме рационального познания утверждают истины великих теологов Востока: «...эта новейшая философия с логическим совершенством *западной формы* стремится соединить *полноту содержания духовных созерцаний Востока*. Опираясь, с одной стороны, на данные *положительной науки*, эта философия, с другой стороны, подаёт руку *религии*. Осуществление этого *универсального синтеза* науки, философии и религии, – первые и далеко ещё не совершенные начала, которые мы имеем в “философии сверхсознательного”, – должно быть высшей целью и последним результатом умственного развития. Достижение этой цели будет *восстановлением совершенного внутреннего единства умственного мира* во исполнение завета древней мудрости...» Далее следует цитата из Гераклита, в русском переводе гласящая: «Связи: целое и не целое, соединяющееся и разнообразное, мелодичное и немелодичное и из всего – единое, и из единого – всё» [29], подтверждающая, что одним из истоков горячо отстаиваемой Соловьёвым концепции всеединства и софийности является Логос Гераклита.

Любой читатель, открывший работу В. С. Соловьёва «Философские начала цельного знания» охотно согласится с многочисленными исследователями наследия философа, что указанная работа достаточно чётко структурирована. При внимательном её прочтении вырисовывается абсолютно ясно та схема, которую философ хотя и описывает поэтапно на протяжении многих страниц и отчасти выражает схематически, пытаясь упростить работу, однако не предлагает нам того окончательно весьма распространённого варианта, в который данная философская система легко вписывается. Этот символ изображён на Знамени Мира.

Идея создания Знамени Мира – символа защиты Культуры, принадлежит Н. К. Рериху, инициатору так называемого Пакта Мира – «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников». Мы не будем сейчас касаться негативного отношения Соловьёва к теологии Е. П. Блаватской, которой пришлось мировоззрение Рериха, и вопроса о том, в какой мере не понравилась бы самому философу такая параллель. Ведь символ, о котором пойдёт речь, был создан до Рериха. Знамя представляет собой прямоугольное белое полотнище, в центре кото-

рого в круге размещены три рубиновые сферы как символ триединства Мира. У знака – множество толкований: прошлое, настоящее и будущее, объединённые кольцом Вечности; религия, наука и искусство в кольце Культуры; Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; тело, душа, дух; Истина, Добро, Красота... Рерих находил подобного рода символику в древних религиях; исследователи находили такой знак в наскальных рисунках. По свидетельству исследователей, распространённость этого знака велика и неожиданна: знак триединности раскинут по всему миру. Он содержится в *Чинтамани* – древнейшем представлении Индии о счастье мира, изображён в Храме Неба в Китае; отражён на знаменитой картине Мемлинга на груди Христа, а так же на изображениях Страсбургской Мадонны, Гессэр-Хана и Ригден Джапо; на щитах крестоносцев, на гербах тамплиеров, на знаменитых кавказских клинках гурда. Этот знак можно найти на старинных испанских картинах и на картине Тициана, на старинной иконе Св. Николая в Баре и изображении Преподобного Сергия, на изображении Св. Троицы, на гербе Самарканда, в Эфиопии, на скалах Монголии, на Тибетских перстнях, Буддийских знамёнах, в гончарных орнаментах древности и т. д. [30].

Изобразим несколько иначе эти три сферы – в их взаимном пересечении, но всё же «неслиянными и нераздельными»; взаимообусловленными, взаимопроникновенными, и в то же время – отличными друг от друга; и вернёмся к философии В.С. Соловьёва.

Повторимся, что для Соловьёва – сущее – это Абсолют, безусловно единое, не исключающее множественности и ею не нарушающееся, поскольку необходимо сильнее множественности. В круге сущего заключены положительные начала Верховной Троицы или основные способы бытия (рис. 1): *Эн-соф* (положительное ничто) – это сущее как абсолютно сущее, положительная мощь бытия, Бог; *Логос*, *Слово* – сущность (необходимость, или непосредственная мощь бытия, содержание или идея); *Дух Святой* (действительность как взаимоотношение сущего и сущности; способ или модус существования, природа). Образующим первоначалом сущего является Логос [31], два других положительных начала «доступны и познаваемы, лишь поскольку они определяются Логосом... В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово... Логос осуществляет и абсолютное, ... и первую материю...; через него... абсолютное определяется как сущее, первая материя – как сущность, отношение же между ними – как бытие, или, точнее, как способ, или образ, бытия» [32].

Сущее в своём единстве потенциально включает в себе соответствующие трём положительным началам волю, представление и чувство: «как содержание воли сущего идея есть *благо*, как содержание его представления она есть *истина*, как содержание его чувства она есть *красота*» [33]. Это положение Соловьёв позднее переносит в свои «Чтения о Богочеловечестве»: он определяет три основных способа бытия как волю, представление и чувство.

Рис. 1. Великое триединство В. С. Соловьёва

Три самостоятельных субъекта или ипостаси (дух как субъект воли и носитель блага, ум – как субъект представления и носитель истины и душа как субъект чувства и носитель красоты) – «*единоначальные*, ибо всё происходит из одного абсолютного первоначала, *единосущные*, поскольку все имеют одну общую сущность или первую материю... *единообразные или единойбытные* (одноприродные), поскольку те же общие способы или образы бытия, та же самая природа принадлежит им всем» [34]. Их единство проявляется посредством Логоса, обладающего положительной силой бытия, а объективным единством выступает идея: идея блага – свободное подчинение ума и души духу относительно воли; идея истины – это единство представления между духом, душой и умом; идея красоты – единство чувства между духом, умом и душой: «то, что ум и душа получают в идее от духа, есть благо, то, что дух и душа получают в идее от ума, есть истина, то..., что ум и дух получают в идее от души, есть красота» [35]. Дух, ум, душа и идея – «четыре субстанциональные образующие начала, ибо различные способы бытия, а равно и различные формы идеи не суть начала, а происходят только из взаимоотношения трёх субъектов и идеи, откуда ясно, что всякое бытие и всякая определённая сущность необходимо относительны» [36]. Сущее должно сообщить идее всю свою действительность, все заключающиеся в его положительной силе образы. Это Соловьёв называет постепенной актуализацией или формализацией идеи. Но ни в волящем духе, ни в представляющем уме, а только в чувствующей душе материальный элемент сущего уравнивает чисто духовный элемент, поэтому «идея души, то есть красота, обладает наибольшей актуальностью, наибольшей полнотой формального бытия» [37], являясь окончательной реализацией идеи. В этом смысле благо есть утверждаемая цель, а истина – средство исполнения красоты.

С помощью логического интеллектуального инструментария Соловьёв раскрывает перед читателем умственный строй, показывающий его искреннюю веру в способности человеческого разума. Для философа в цельном знании опыт, вера и разум не разделяются. В исследовании личности истинное знание не сводится к игре формальными понятиями, тем более – по отношению к Личности Воплощённого Слова. В «Чтениях о Богочеловечестве» только в религии Соловьёв видит действенную силу единения: «Воссоединение, или религия, состоит в приведении всех стихий человеческого бытия, всех частных начал и сил человечества в правильное отношение, к безусловному центральному началу, а через него и в нём к правильному согласному отношению их между собою... воссоединение частных сторон жизни и индивидуальных сил со всецелым началом и между собою должно быть безусловно *свободным*... эти частные начала сами от себя или по своей воле должны ...отказаться от своей исключительности, от своего самоутверждения или эгоизма» [38]. Оставаясь всеобщей и единой, эта новая воссоединённая религия, по Соловьёву, не должна отнимать у действительных религий все их отличительные особенные черты и лишать их положительной индивидуальности [39]. Безусловно, наиболее полным приближением к новой, совершенной положительной религии Соловьёв считает христианство, вобравшее, синтезирующее в себе пессимизм, аскетическое начало и идеализм древних, монотеизм как единящее начало с одной стороны, и – с другой стороны – учение о триедином Боге как общий и открытый религиозный догмат. Главным же достоинством философ отмечает то, что христианство имеет своё собственное содержание, независимое от всех этих элементов, в него входящих, и это собственное содержание есть единственно и исключительно Христос: «В христианстве как таком мы находим Христа и только Христа – вот истина, много раз высказанная, но очень мало усвоенная» [40].

Стремление к единой философии и выработке своеобразного всеединства в духовной жизни волновало мыслителей от древности до современности, однако не снимало многообразия, а зачастую и противоречия мировоззренческих позиций, не дающих человеку надёжности и защищённости в практической жизни. Философия всеединства в лице В. С. Соловьёва, а также Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, – выдвигала и отстаивала идею целостности бытия, разрабатывала методологию цельного знания, преодолевавшую односторонность рационалистических, позитивистско-натуралистических умонастроений и идеологических подходов к действительности. Уникальность философии всеединства Соловьёва – в здоровом синтезе как итоге развития мировой философской и религиозной мысли. Синтез различных взглядов предусматривает переосмысление важнейших философских категорий, предполагает новую мировоззренческую систему, эволюцию духовной культуры. Конечно, универсальность не есть уникальность, но всё же к философской истине ближе интеграция, а не дифференциация. Но вопрос не так прост, иначе не было бы тысячелетий противостояния материализма и идеализма, непреодолимого при всех благих намерениях новых и новейших философов; не распалась бы современная философия на множество различных течений и направлений. Чем сложнее духовная жизнь общества, тем сложнее духовная интеграция. Предлагаемый Соловьёвым синтез всех важнейших начал и знания в их взаимном обогащении, стремление «сбалансировать» важнейшие стороны материальной и духовной жизни общества под знаменем Добра, выработка концепции любви духовной как принципа универсализма не только антропологического, социального, но и космологического – вот то, что сегодня необходимо брать на вооружение. Синтез философских учений, религиозных и культурных традиций, научного знания и практического опыта, накопленного человечеством, осуществлённый Соловьёвым в его философии всеединства, видится актуальным решением многих назревших проблем в условиях сегодняшнего системного кризиса в стране, в частности – кризиса современной культуры, порождённого не только радикальным переходом к новому общественному строю, но и являющегося отражением кризиса европейской культуры, выбравшей рационально-технологический путь развития с приоритетом индивидуалистических парадигм.

Ссылки на источники

- 1–2. Соловьёв В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000.
- 3–7. Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988.
- 8–12. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб., 2000.
- 13–29. Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988.
- 30–37. День единения в Культуре / Авторы-составители Л. И. Уварова, Т. И. Полякова. – СПб., 2002.
- 38–40. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб., 2000.

Burdina Tatiana,

Cand.Sc.(Philosophy), Associate Professor Department of Philosophy, Kostroma State Agricultural Academy
maryinakostroma@mail.ru

The Problem of Universalism in the Philosophical System of Vladimir Solovyov

Abstract. The article examines a number of major writings of V. Solovyov, a Silver Age philosopher, focusing on his understanding of the universalism problem. The conclusion made is that the Russian scholar was primarily inspired by the general ideas as the archetypes of the universe, as the embryos of material things. The general is by no means a pure abstraction for him. Moreover, his subtle understanding of the general as part of Schelling and Hegel's objective idealism has led Solovyov to the principles of absolute unity, integral knowledge, synthesis, universalism to be applied to the interpretation of both spiritual existence and material reality.

Key Words: universalism (general ideas), absolute Unity, integral knowledge, universalism.